

С. В. Власенко, кандидат филологических наук,
доцент кафедры английского языка при факультете права
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» при Правительстве РФ
(НИУ ВШЭ)

[email: svetsign@stream.ru](mailto:svetsign@stream.ru)

Svetlana V. Vlasenko,

Candidate of Science (Philology), Associate Professor, English Department, Faculty of Law,
National Research University 'Higher School of Economics' under the Russian Federation Government
(HSE, Moscow)

ОТРАСЛЕВАЯ ТРАНСЛАТОЛОГИЯ: ЮРИДИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД В АСПЕКТЕ КОРЕФЕРЕНТНОСТИ ТЕРМИНОВ ПРАВА

С.В. Власенко

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена описанию устойчивого явления, характерного для отраслевых языков, – множественной номинации концептов, иллюстрируемой на примере языка права и коррелирующей с когнитивными структурами репрезентации предметных знаний. Синонимия рассматривается в формулировке Ю.Д. Апресяна, согласно которой принципиальным условием для установления семантической близости лексических единиц является их референционная тождественность, т.е. кореферентность. Указанное явление порождает ряд проблем при восприятии и понимании текстов правовой тематики в двуязычном англо-русском юридическом переводе. Использована междисциплинарная парадигма анализа, позволяющая выделить в рамках современного переводоведения отдельное направление – отраслевую транслатологию. Предлагая данное название, автор стремится сконцентрировать усилия переводоведов на изучении проблем отраслевого перевода, протекающего в сфере профессиональной коммуникации и осложненного «ловушкой» кореферентности терминологии, которая в свою очередь обусловлена разными когнитивными структурами, обеспечивающими репрезентацию предметно близких знаний в английском и русском.

Ключевые слова: кореференция, отраслевая транслатология, перевод в сфере профессиональной коммуникации, референция, полисинонимия, синонимия, термины права, юридический перевод, язык права

ABSTRACT

DOMAIN-SPECIFIC TRANSLATOLOGY: LEGAL TRANSLATION VIEWED THROUGH THE LAW TERMINOLOGY COREFERENCE

S.V. Vlasenko

The article revisits a sustainable phenomenon inherent in languages for special purposes (domain-specific sublanguages) – multiple nomination of concepts exemplified by the legalese and correlating with cognitive representations of domain-specific knowledge. Synonymy is treated in line with Yu.D. Апресян's concept whereby lexical units are regarded as semantically related if and when they appear referentially identical, i.e. co-referential. This phenomenon may give rise to complexities in perceiving and comprehending legal texts in English–Russian translation. An interdisciplinary paradigm is applied for singling out an earmarked direction within the modern Translation Studies – Domain-Specific Translatology. In so doing, the author aims at drawing translation researchers' efforts to the profound study of professional translation/interpreting across domain-specific fields, i.e. expert communication area, with the view of analyzing problems aggravated by the terminological co-reference trap which in its turn

is stipulated by different cognitive structures ensuring related subject knowledge representation in English and Russian.

Key words: co-reference, domain-specific translatology, law terminology, legalese, legal translation, professional translation/interpreting, reference, synonymy, polysynonymy

[Сноска при названии. Прошу учесть при верстке полосы!]

С.В. Власенко

ОТРАСЛЕВАЯ ТРАНСЛАТОЛОГИЯ: ЮРИДИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД В АСПЕКТЕ КОРЕФЕРЕНТНОСТИ ТЕРМИНОВ ПРАВА¹

За несколько десятилетий до наступления второго тысячелетия сфера профессиональной коммуникации именовалась в соответствии с предметно-деятельностными и ценностными приоритетами социально-культурного контекста прошлой эпохи: она традиционно называлась «сферой научно-технического сотрудничества», а перевод, осуществляемый в ней, – «научно-техническим переводом»². Учитывая это обстоятельство, перевод в сфере профессиональной коммуникации в строгом смысле относить к «молодой» отрасли переводоведения неправомерно. Отдельные направления внутри теории перевода, в рамках которых изучались особенности научно-технических текстов, называли «специальным» или «отраслевым» переводом. В настоящей статье, как и в серии наших работ, посвященных переводу в сфере профессиональной коммуникации, термины *отраслевой перевод* и *перевод в сфере профессиональной коммуникации*, а также *профессионально-ориентированный перевод* и *специальный перевод* полагаются синонимами [9, 53, 65–68; 11; 12–15]. Современные коммуникативные процессы в рассматриваемой сфере отражают внутриотраслевое и межотраслевое взаимодействие экспертов, порождение ими узкоспециальных, междисциплинарных или метадисциплинарных текстов, характер которых указывает не только и не столько на сложность и многообразие социально-экономических условий их протекания, сколько на сложные, многообразные и непрозрачные для пользователей «извне» виды информации, циркулирующей в межкультурном общении, опосредованном отраслевым переводом.

В настоящей статье предлагается рассматривать перевод в сфере профессиональной коммуникации в качестве отдельного направления переводоведения – *отраслевой транслатологии*. Такая постановка вопроса отвечает приоритетным

¹ Настоящая статья подготовлена в рамках Индивидуального исследовательского проекта № 10-01-0115 «Правовые тексты: фреймно-сценарные структуры знаний и их вербализация в английском и русском языках», выполненного при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ».

² Подробнее см.: [5; 6; 17; 32].

задачам не только современного переводоведения как признанной области научных исследований, но и современному этапу социально-экономического развития страны, в частности, высокому спросу, существующему на современном рынке труда в национальном и международном масштабе, на переводчиков в названной сфере. Данный вид перевода трактуется как языковое посредничество, осуществляемое переводчиками или выступающими в роли переводчиков коммуникантами, языковая и коммуникативная компетентность которых полагается достаточной для обеспечения ими полноценного обмена знаниями и информацией между членами экспертного сообщества [9, 24, 73–76].

Транслатология текста vs. процессуальная транслатология: взаимосвязь или разграничение?

Специальная теория перевода, в рамках которой изучались взаимоотношения определенных предметно-тематических текстов на конкретных парах языков, в настоящее время в большей степени ориентирована на изучение переводческой проблематики в парадигме лингвистики текста. Вслед за немецким теоретиком перевода В. Коллером (W. Koller) Санкт-Петербургские переводоведы, в частности И.С. Алексеева, рассматривают транслатологию текста отдельно от процессуальной транслатологии, понимая под первой направление исследований текстовых реализаций исходного и переводящего языков и отношений эквивалентности, зависящих от типа текста и коммуникативной ситуации [1, 49], а под второй – «ментальные процессы перевода» и, прежде всего «стратегии, которые выбирают переводчики на этапах восприятия, понимания, анализа текста оригинала, и далее прогноза перевыражения, самого перевыражения и особенностей формулирования текста перевода» [Там же, 49–50].

Данное разграничение, продиктованное, видимо, стремлением к формированию детальной таксономии предметной зоны современного переводоведения, а также дидактическими целями, представляется несколько искусственным с точки зрения перевода как деятельности, изучаемого в предметно-деятельностной и коммуникативной парадигмах. Близкого мнения о комплексном рассмотрении перевода как объекта научного исследования с системных позиций придерживаются не только отечественные [33–35; 39], но и зарубежные переводоведы, например, Ю.А. Найда, С. Никири, М. Снелл-Хорнби, Г. Тури и др. [43–47].

Перевод в процессуальном рассмотрении «обслуживает» перевод как деятельность, результирующим продуктом которой является текст. Именно в этой связи полагаем обоснованным и целесообразным рассматривать отраслевую транслатологию во взаимосвязи переводческого процесса и его результата.

Дифференциацию же данной области следует проводить по предметно-отраслевому признаку, если учесть стремительно проходящее на рынке труда «естественное дробление» переводческих услуг по предметно-деятельностному критерию, или иными словами, предметно-тематической принадлежности. Подобное разграничение материализуется в последовательной дифференциации подотраслей переводческой деятельности по референтным областям знаний³: *военный перевод, искусствоведческий перевод, исторический перевод, медицинский перевод, музыкальный перевод, религиозный перевод, политехнический (инженерный) перевод, политический перевод, спортивный перевод, финансовый перевод, юридический перевод* и др. Существуют и предметно-тематические гибриды: *финансово-юридический, политико-юридический, информационно-технологический*, – что отвечает междисциплинарности понятийных областей и наложению понятийно-категориальных аппаратов разных сфер знаний и отраслей деятельности. При этом наблюдается и более широкая таксономия: *гуманитарный перевод, естественнонаучный, общественно-экономический* и др. В широкую таксономию попадает и *литературный перевод*, прародитель теории перевода, издавна включавший *поэтический, прозаический, фольклорный и публицистический переводы*.⁴

Сфера профессиональной коммуникации:

конгломерат областей предметных знаний и отраслей деятельности

Выделение такого важного исследовательского направления переводоведения, как специальный, или отраслевой, перевод предвосхищали многие отечественные переводоведы. Так, целесообразно указать на мнение военного переводчика и переводоведа, Е.Г. Пырикова, который утверждает, что перевод сводится к реконструкции «коммуникативного образа ситуации специальной сферы, в которой развертывается совместная профессиональная деятельности,... включающего в свою очередь образы составляющих эту ситуацию референтов» [33, 106]. Наряду с этим, Е.Г. Пыриков, ратующий за системное изучение перевода, справедливо задается вопросом, имеющим непосредственное отношение к рассматриваемой нами тематике: «Как через терминологический аспект перевода выполняются его общая и частная функции?» [Там же, 108]. Переводовед сам отвечает на поставленный вопрос, вследствие чего уместно

³ В том смысле, в каком это аргументировано Ю.Н. Карауловым и Ю.Н. Филипповичем в связи с конфигурацией элементарных единиц знаний в языковой картине мира носителя языка [21, 152–156].

⁴ В настоящей статье не рассматривается машинный (автоматизированный) перевод ни в процессуальном, ни в результативном контексте. Среди источников по данной теме см., например: [26–28; 30; 40; 41].

процитировать его мнение полностью: «Общая функция заключается в опосредованном двуязычном координировании совместной профессиональной деятельности различных специалистов. В терминологическом аспекте данная функция первоначально реализуется в сознании каждого из этих специалистов как связь между совокупностью докоммуникативных образов референтов, составляющих некоторую ситуацию специальной сферы, и совокупностью их коммуникативных образов, формируемой на основе терминологических значений языковых единиц, то есть на основе закрепления за терминами научных понятий об искомых референтах. Эта совокупность коммуникативных образов по существу представляет собой научную картину искомой ситуации специальной сферы. В процессе выполнения общей функции перевода достигается относительное тождество между коммуникативно сформированными научными картинами ситуации у обоих специалистов» [Там же]. Сделанное нами шрифтовое выделение в приведенной цитате позволяет подчеркнуть, что речь идет именно о когнитивных структурах репрезентации предметных знаний, парадигма которой на момент написания Е.Г. Пыриковым работы еще не использовалась в переводоведении.

Инвентаризация многочисленных предметно-деятельностных контекстов не входит в цели настоящей статьи. Вместе с тем, отметим многолетние усилия переводоведов и лексикографов по отслеживанию и фиксации закономерностей и сложностей тех или иных тематических областей, которые вылились в целый ряд серьезных лексикографических изданий, среди прочих см., например: [48–52; 55–57]. Указанные и многие другие источники двуязычных и многоязычных терминологических соответствий в конкретных предметных областях знаний и сферах деятельности вылились в отдельное направление лексикографии – терминографию, которая питается наработками терминоведения. Наиболее заметным вкладом в терминографию следует признать «программную» энциклопедию В.А. Татарина [54].

Уже сам факт появления терминов *«подъязык»*, *«профессиональный язык»*, *«язык для специальных целей»* позволил «укорениться постулату о жизни терминов не в языке вообще, а в определенных функциональных стилях» [54, 348–349]. Кроме того, по мнению В.А. Татарина «язык науки и техники – смежное для терминоведения понимание функциональной стилистики, обозначающее наиболее развитую сферу функционирования терминов и терминосистем» [Там же, 348].

Некоторые теоретики предлагали рассматривать научно-технический перевод, являющийся, как указывалось выше, прародителем отраслевой транслатологии и перевода в сфере профессиональной коммуникации, как «сопряженную

двуязычную терминологическую номинацию референтов⁵, образующих некоторую ситуацию в рамках специальной сферы человеческой деятельности» [34, 107; 35]. При этом полагалось, что «такая номинация будет выступать как результат последовательного уподобления друг другу терминологических компетенций разноязычных специалистов и переводчика» [34, 107]. Вследствие этого неудивительно, что данный факт не оставляет места наивно языковой картине мира переводчика, занятого в данной сфере, подразумевая наличие у него языковой и коммуникативной компетентности, а также сформированной техники текствосприятия и текстопостроения, которые реализуются через устойчивый навык вербализации в предметно-деятельностных контекстах. Развитие подобного навыка у переводчика отраслевых текстов обусловлено необходимостью оперативной смены языковых кодов, «обслуживающих» предметные области знаний и деятельности, что требует адаптации разных когнитивных структур, обеспечивающих репрезентацию предметно близких знаний в английском и русском языках.

Полиморфность правовых концептов и изоморфность их объективаций в языках-коммуникантах

Наличие такого устойчивого явления в языке права, как множественная номинация концептов, порождает определенные проблемы восприятия и понимания правовых текстов в двуязычном англо-русском профессиональном переводе. Целью настоящей статьи является описание явления множественной номинации концептов в языке права с точки зрения сопоставительного анализа англо-русских переводных соответствий правовых терминов. Названное явление, в равной мере характерное для английского и русского языков и реализуемое в лексемах, позволяющих многократно означивать одни и те же концепты, предлагается рассматривать как *полисинонимию*. Представляется, что полисинонимия – отличительная особенность языка права, отражающая специфику юридического мышления и зафиксированная в англоязычной и русскоязычной правовой литературе и массивном юридическом документообороте.

В целях настоящей статьи ракурс рассмотрения англо-русских соответствий терминов права целиком лежит в плоскости анализа и классификации синонимичных средств означивания одних и тех же или близкородственных концептов. Речь идет о параллельном существовании – сосуществовании – номинативно объективированных вариантов одного референта или референтного пространства, например: *предпринимательское право, хозяйственное право, корпоративное право* в русском языке и *corporate law, company law, business law, entrepreneurial law* – в английском [42]. С этой

---

⁵ Шрифтовое выделение автора статьи. – С.В.

точки зрения иллюстративны названия официально рекомендованных для высшей школы учебников:

- Хозяйственное (предпринимательское) право : Учебник для вузов. М., 2008.
- Предпринимательское (хозяйственное) право : Учебник для вузов / Под ред. проф. С.А. Зинченко, проф. Г.И. Колесника. М., 2008.

Юридическая терминология относится к одной из наиболее специализированных подъязыков научной лексики и состоит из семантически сложных для неподготовленного восприятия терминов и их сочетаний, включающих большой корпус единиц с узкоспециальным значением либо, напротив, с широкой семантикой [2, 120–129; 16; 20, 27–31; 24; 25; 31; 38]. Неудивительным поэтому и вполне убедительным представляется мнение английского юриста-практика А. Нортон, владеющего русским языком и полагающего, что «большинство юридических терминов и понятий не могут быть напрямую переведены на иностранный язык, поскольку это приведет к путанице» [29, 8].

Заметим при этом, что ситуация «непрямого» перевода терминов права осложняется наличием в русской и английском терминосистемах синонимов. В этой связи речь может идти о формировании моделей терминологической синонимизации или о терминологическом моделировании на основе разной асимметрии терминов в языках-коммуникантах, например:

- *судебный исполнитель, судебный пристав* → *(court) bailiff, executor, law-enforcement officer, officer of justice, officer of the court, marshal, marshal of the court;*
- *договаривающиеся стороны, договаривающиеся лица, стороны договора, стороны по договору, стороны в договоре; стороны настоящего договора, контрагенты, контрактанты* → *contracting parties, parties to the contract, contract holders*
- *истец, заявитель; претендент на право (претендующий на право), предъявляющий претензию, обвинитель (сторона обвинения)* → *accuser, appellant, claimant, complainant, declarant, petitioner, plaintiff, pursuer, suitor, supplicant (suppliant), prosecutor* и т.п.

Несколько приведенных и параллельно соположенных терминологических соответствий позволяют полагать, что в рамках отраслевой транслатологии следует, видимо, проводить отслеживание и ранжирование референционно близких или тождественных синонимических рядов, независимо от их протяженности в контактирующих языках, с целью систематизации терминологических соответствий как упреждающей меры для снижения непрозрачности правовых текстов.

Вместе с тем, уместно еще раз сослаться на мнение В.А. Татарина о том, что воспроизведение синонимического ряда из текста на иностранном языке в переводном

тексте требует владения «синонимическими структурами обоих языков в их тончайших нюансах» [37, 173]. Мнение терминоведа подчеркивает правильность выбранного нами объекта анализа. Кроме того, В.А. Татаринов справедливо указывает на «беспомощность» и «бессилие» двуязычных словарей в случае динамического изменения семантической структуры слова или термина. Причины этого терминовед объясняет следующим образом: «Семантическое развитие языка – сложная синергетическая система взаимодействия внутриязыковых факторов и экстралингвистической действительности, система, которая, по определению, не может быть изоморфна аналогичной системе другого языка» [Там же, 174]. Подчеркнем ту связь между объективированной протяженности рядов и референциальной близостью, которая представляется нам органичной и на которую прямо указывает процитированное утверждение терминоведа и терминографа.

В контексте нашего анализа интересна предложенная В.А. Татаринова переводческая *теория конвертации* и основанная на *законах несоответствий*, которые объясняются на примере несоответствия синонимических рядов в разных языках [Там же, 184]. Терминовед приводит следующую ситуацию: «Неопытный переводчик, обнаружив в тексте группу синонимов, автоматически производит линейную процедуру перевода слово за словом, зачастую получая совершенно бессмысленный для родного языка ряд слов. Но если он знает, что синонимизация слов в одном языке не повторяет синонимов другого языка и что в этом случае реализуется прием (логической) компенсации, в текст перевода будет внесен синонимический ряд из языка перевода» [Там же, 174]. Таким образом, В.А. Татаринов косвенно подтверждает вышеуказанные позиции Е.Г. Пырикова и Е.В. Сидорова.

Конвенционализм терминов международно-правовой сферы

Растущие темпы международного сотрудничества постоянно способствуют увеличению числа международно-правовых понятий и реалий, общих для многих юридических систем и, следовательно, языков права, соответствующих национальным правовым системам [20, 36]. Разделяя мнение правоведов, признаем установление эквивалентности между английскими и русскими терминами права особенно сложной задачей. Предлагаемый в статье подход к англо-русскому сопоставительно-переводческому анализу правовой терминологии призван содействовать выработке критериев и методов достижения качественного переводческого продукта – юридического текста на примере одного из рассматриваемых двух языков-коммуникантов или в

параллельном соположении (подобный опыт все чаще используется в целях изучения техники юридической речи и точности передачи норм права⁶).

Обратимся к примерам, чтобы проиллюстрировать объект исследования настоящей статьи на синонимических рядах терминов финансового права, относящихся к сфере управления имуществом должника. Для обозначения концепта «управляющий имуществом должника» и в английском, и в русском языках используются представительные по протяженности синонимические ряды. Английский ряд насчитывает пятнадцать членов:

- *administrative receiver, receiver, official receiver, official assignee, trustee in bankruptcy, bankruptcy trustee, appointed trustee, trustee of bankrupt's estate, liquidator, co-administrator, managing trustee, assignee in bankruptcy, bankruptcy registrar, bankruptcy commissioner, manager in receivership*⁷.

Русский синонимический ряд насчитывает двенадцать членов, которые целесообразно разбить на термины, представляющие краткую номинацию (восемь единиц) и лексические реализации, представляющие расширенные номинативные комплексы (пять единиц):

- *конкурсный управляющий, официальный правопреемник, ликвидатор, официальный ликвидатор, временный управляющий имуществом должника, управляющий конкурсной массой, управляющий имуществом должника;*
- *лицо или учреждение, распоряжающееся имуществом в пользу другого лица или учреждения; лицо, уполномоченное закрыть убыточный бизнес; лицо, уполномоченное осуществить официальное прекращение деятельности компании; управляющий, утвержденный судом для проведения конкурсного производства на предприятии-банкроте; любое лицо, назначенное в соответствии с решением суда или частным соглашением управлять собственностью другого лица.*

Приведенный пример в числе многих других (см. далее по тексту) обосновывает закономерность выделения явления полисинонимии в языке юридической специальности, масштаб которой указывает на необходимость поиска подходов к описанию техники юридического перевода как особой области отраслевой транслатологии.

Синонимия терминологических единиц – явление последних десятилетий, упразднившее консервативное представление, длительное время существовавшее в терминоведении, о том, что термин характеризуется строго закрепленным значением,

⁶ Подробнее см.: [3; 9; 18; 38].

⁷ Здесь и далее по тексту шрифтовое выделение используется для акцентуации целей настоящей статьи. – С.В.

представленным одной языковой единицей или одним словосочетанием (см., например: [23; 36]). К терминам-синонимам полагаем возможным относить термины, описывающие один концепт в определенной предметной области или соотносимые с каким-либо одним признаком отраслевого концепта или набором признаков. При этом под концептами, вслед за В.И. Карасиком, мы понимаем многомерные единицы ментальных сущностей концептосферы, имеющие языковые/речевые проявления, включающие ценностную, образную и понятийную составляющие, воплощающие концентрированный опыт человечества в определенной предметной области и, вследствие этого, позволяющие фиксировать сходства и различия в членении объективной действительности языковым сознанием носителей языка [22, 361]. Как нам представляется, такое утверждение прямо коррелирует с принятым пониманием о когнитивных структурах репрезентации предметных знаний, таких как фреймы и сценарии, а также схемы и планы.

Синонимичность терминологии трактуется здесь согласно точке зрения отечественных лингвистов, в соответствии с которой, «в ряде случаев различия между синонимами не могут быть сведены ни к различиям в их толкованиях в собственном смысле слова, ни даже к коммуникативным свойствам..., а касаются прагматических и других экстралингвистических условий их употребления, их возможных референтов» [53, X]. Несмотря на то, что цитируемая точка зрения составителей словаря [53] касается лексем общелитературного слоя языка, она представляется нам справедливой и в отношении терминологии права.

Референционная тождественность терминологии как семантическая близость

Другими словами, принципиальной для установления семантической близости отраслевой терминологии права является их референционная тождественность⁸: терминологические лексемы полагаются синонимами, если они соотносимы через референционно тождественное пространство, которым является юридическое событие, актуализированное в юридическом тексте. Именно юридическое событие – одно из форм существования правовой реальности, априорно не совпадающей в англоязычных и русскоязычных правовых системах [19].

Аналогичного взгляда придерживаются и некоторые правоведы, утверждающие, что язык права способен развивать полисемию и синонимию своих единиц, при этом, однако, речь идет именно о приращении номинаций и синонимизации лексем, не состоящих в синонимических отношениях, т.е. об образовании протяженных

---

⁸ Уместно сравнить с описанием референционных сочетаемостных ограничений организации синонимических рядов у Ю.Д. Апресяна [4, 540].

синонимических рядов. Приведем два примера, иллюстрирующих синонимию терминов права в рамках сверхфразовых единств в русских текстах: в первом случае синонимия касается слов-дуплетов для обозначения одного вида договоров, заключаемых в рамках государственного права (концепт «государственный договор»), а во втором – слов-триплетов для номинации одного вида сделки (концепт «фиктивная сделка»):

- *«Поскольку народы суть нравственные лица, то они могут передавать один другому права свои и принимать на себя взаимные должности по обоюдному согласию. Отсюда явствует, что народы могут заключать между собою договоры, которые для отличия от договоров частных называются **публичными** или **народными**»* [25, 538].
- *«Двусторонняя сделка должна являться юридическим выражением экономических взаимоотношений сторон. В противном случае форма сделки не соответствует содержанию, между внешним видом сделки и намерениями сторон, вступивших в сделку, существует противоречие. Стороны «притворяются», заключая сделку и не устанавливая соответствующего сделке экономического отношения, – и отсюда такие сделки называются **притворными**; стороны притворяются имеющими намерения, которые не имеются в действительности, и потому такие сделки называются также **симулятивными**; сделка является лишь фикцией, – и это дает таким сделкам еще новое название – **фиктивных**»* [29, 35].

Даты создания цитируемых текстов соответствуют 1820 и 1929 годам, что свидетельствует о «возрасте» явления параллельной, или дублирующей, номинативной объективации в русском языке права, прямо указывая на ее устойчивость. На «возраст» полисинонимии в английском юридическом языке, по нашему мнению, косвенно указывает сама протяженность синонимических рядов, сформированных в динамично развивающемся национальном и международном правовом пространстве. Наличие параллельных вариантов означивания одного и того же или близкого концепта ставит переводчика перед проблемой корректного выбора из множества вполне конкурентоспособных альтернатив, который всегда связан с экстралингвистическими знаниями и иными прагматическими факторами [9, 28; 10; 11; 15; 53, X], наличием зрелого навыка восприятия и предметного понимания отраслевых текстов, а также опытом вербализации в условиях англо-русского внутриотраслевого взаимодействия специалистов.

Небезынтересно отметить, что концепт «государственный договор» в когнитивном ракурсе нам представляется сопоставимым скорее с фреймно-плановым форматом репрезентации соответствующего предметного знания, которому присуща большая

статика, а «фиктивная сделка» – со сценарно-схемной структурой репрезентации предметных знаний, для которой характерна большая динамика, наборы алгоритмов действий или событий и которая, вероятно, именно в этой связи связывается в нашем сознании с такими полиморфными сценариями, как «мошенничество» или «обман».

Рассмотрим английское сверхфразовое единство (СФЕ), содержащее концепт «опротестование» с параллельным переводом:

- *Accusations of “telephone justice” are frequent as well: many judges allegedly prefer to get instructions from the senior officials or the appeal court, rather than risk having their judgment **overturned**. This is apparently due to the fact that the appraisal system of judges is based on the number of judgments they deliver which **are or are not quashed**.*⁹

Перевод: Не менее часто звучат обвинения в «телефонном правосудии»: по утверждениям, многие судьи предпочитают получать инструкции от должностных лиц высшего руководящего звена или апелляционного суда, а не идти на риск, вынося свое собственное решение, которое позже может оказаться **опротестованным**. По всей видимости, это происходит потому, что система профессиональной аттестации судей основана на количестве вынесенных ими решений, которые **подвергались или не подвергались опротестованию**.

Анализ соположенных СФЕ-репрезентаций: для обозначения концепта «опротестование», в нашем понимании коррелирующего со сценарно-схемной структурой репрезентации предметных знаний, в рамках небольшой текстовой последовательности употреблено два разных глагола¹⁰. Отметим, что английский синонимический ряд лексем, позволяющих объективировать данный концепт, представлен 15-ью глаголами:

- *overturn, quash, overrule, annul, nullify, invalidate, make ineffective, cancel, render null and void, cancel out, make void, void, reverse, override, supersede,*

а русский – 11-ью глаголами:

- *аннулировать, отменять, делать недействительным, признавать недействительным, считать недействительным; лишать юридической силы, отвергать, отклонять, отказывать; лишить юридического действия; отвергать решение по ранее рассмотренному делу с созданием новой нормы прецедентного права.*

Терминологические «запасники» как вид «застрахованного» понимания:

ИСТОКИ ПОЛИСИНОНИМИИ

⁹ Из отчета иностранной комиссии о ревизии процессуальных норм судопроизводства (2007).

¹⁰ Помечены в тексте абзаца жирным курсивом.

Лексикализация юридических концептов, основанная на принципе дублирования, – это своего рода формирование «терминологического запасника», протекающее вне зависимости от принадлежности к конкретной отрасли права. Приведем несколько примеров из разных отраслей права¹¹:

- теория права: *правовое обоснование, юридическое обоснование, юридическая обоснованность, юридическая значимость* → *legal rationale, legal relevance, relevance in law, legal reasoning*;
- административное право: *постановление городских властей, постановление муниципального органа* → *administrative ordinance, municipal ordinance, city ordinance*;
- судебное производство: *срок давности, исковая давность, предельный срок привлечения к судебной ответственности, непривлечение к судебной ответственности за давностью срока; давность привлечения к судебной ответственности* → *limitations, limitation of actions, time limitation for judicial actions; restricted time period for judicial enforcement; restricted period for judicial actions to enforce rights; statutory time restraints for judicial enforcement of rights*;
- уголовное право: *заключённый, осужденный (и отбывающий заключение); лицо, содержащееся в тюрьме* → *prisoner, the imprisoned, inmate, penitentiary inmate, convict, the confined, the sentenced*;
- исполнительное производство: *смертная казнь* → *death penalty, death sentence, capital punishment, execution*.

Анализ приведенных выше примеров позволяет увидеть существующий дисбаланс в количестве терминологических единиц, используемых контактирующими языками при объективации концептов, коррелирующих с разными структурами представления предметных знаний. Вместе с тем, нередки случаи «взаимоуравновешенных» множеств синонимов, объединенных в ряды по признаку семантической близости обозначаемого ими концепта, как например, в случае с концептом «тюрьма»:

- *correctional institutions, correctional facilities, penal institutions, penal facilities, prisons, penitentiaries, jails, jailhouses, jail facilities* → *исправительные заведения или учреждения, тюрьмы, пенитенциарии, тюремные сооружения, учреждения тюремного типа, места лишения свободы*¹², *учреждения системы исполнения наказаний, объекты судебно-исполнительной системы; карательно-*

¹¹ На основе словарей [51; 57 (I)–59], консультаций с юристами и эмпирических наблюдений автора.

¹² Укажем, что полилексемный термин «места лишения свободы» для англоязычных специалистов в сфере уголовного права равноценен монолексемному термину «тюрьма», в то время как в российском уголовном праве эти концепции принципиально разведены, а объемы понятия (экстенционалы) не совпадают: первый, в частности, включает колонии строго режима, колонии-поселения, трудовые колонии, колонии для несовершеннолетних и др.

исправительные учреждения, исправительно-карательные объекты (на основе словарей [51; 59]).

Навыки группировки терминологии с целью изучения максимального числа зафиксированных в словарно-энциклопедических изданиях и другой специальной литературе прецедентов их означивания или вариантов их ситуативного перевода формируются на основе используемого нами *метода синонимизации*, который сводится к подбору и анализу синонимических рядов как лексических кластеров [7; 8; 9, 22–24, 62–63]. Этот метод, рутинно используемый переводчиками-практиками, эффективен на предпереводческой стадии работы.

Следует отметить, что в арсенале средств английского языка, которые используются в целях номинации юридического события, существуют не только именные лексемы, но и такие частотные средства лексикализации, как отглагольные существительные, субстантивированные прилагательные и герундии. Например, английские синонимы *re-offending* и *committing further crime* в русском могут передаваться следующими синтаксическими структурами: *совершение повторных преступлений, повторные случаи совершения преступлений* или *рецидивы серьезных правонарушений, повторное совершение уголовно преследуемых правонарушений*. При этом «правонарушение» как родовой термин должен дополняться атрибутивной лексемой для адекватной передачи семантики английского *crime*, понимаемого как *уголовно наказуемое преступление, уголовное преступление, уголовно преследуемое преступление*, т.п.

Рассматриваемое явление характерно не только для знаменательной лексики, но и для служебной. Так, если в русском языке сложный предлог *в соответствии с чем-либо*, входит в состав стандартной конструкции *в соответствии с законом* и имеет синонимы *в соответствии с законодательством, согласно закону, согласно законодательству, согласно положениям законодательства, как указано в законодательстве, как установлено законодательством, как предписано законодательно, как закреплено в законодательстве* и т.п., то в английском этот широко употребляемый ряд длиннее:

- *in conformity with the law, in compliance with the law, complying with the law, following the law, under the law, in line with the law, pursuant to the law, in accordance with the law, according to the law, abiding by the law, as provided by the law, as envisaged by the law, as consistent with the law, consistently with the law, as the law lays down, as laid down in/by the law, as set-out in the law, as defined by the law, as the law prescribes* (заметим попутно, что приведенный английский ряд синонимов далеко не исчерпан).

Следующие терминологические лексемы обращают на себя внимание в связи со сбалансированной протяженностью полисинонимичных рядов со стороны обоих контактирующих языков – и русского, и английского:

- *contract estoppel, estoppel by contract, estoppel by agreement* → *недопустимость отрицания факта или утверждения, зафиксированного в договоре; лишение права возражения, вытекающее из факта заключения договора; лишение права возражения по причине состоявшегося соглашения сторон*, а также схожий по значению синоним, уточняющий обстоятельство заключения договора или достижения соглашения, – *estoppel by deed* → *недопустимость оспаривания положений, включенных в договор за печатью*;
- *опека; опекунство, попечение, попечительство, патронаж* → *trusteeship custodianship, custody, guardianship, tutorship, tutelage, patronage*.

Представляется, что первый ряд – не что иное, как полиморфные лексические объективации некоторого положения вещей, или события, которое может выполняться или не выполняться при выполнении определенных условий. Во втором случае концепт «попечительство» репрезентирует более статичное знание, сопоставимое с фреймносхемной структурой.

Яркой иллюстрацией полисинонимии термином права служит концепт *форс-мажор*, показательный как с точки зрения англоязычной синонимии:

- *force majeure, force majeure circumstances, the Act of God, superior force, elemental forces, Providence, the law of impossibility, divine intervention, the law of randomness, events and causes beyond control,*

так и с точки зрения русскоязычной синонимии:

- *форс-мажор, форс-мажорные обстоятельства, непреодолимая сила, непреодолимые обстоятельства, непредвиденные обстоятельства, обстоятельства непреодолимой силы, закон невозможного, стихийная(ые) сила(ы), провидение, сила провидения, стихийное бедствие, высшие силы, закон случайных событий.*

Следует также привести расширительные варианты номинации данного понятия в русском, детально фиксирующие его сущностные характеристики, а именно:

- *непреодолимые силы, действие которых в случае их наступления освобождает стороны договора от ответственности за его неисполнение; внешние обстоятельства, не поддающиеся контролю людей; вмешательство высших сил; непредвиденное обстоятельство, служащее оправданием нарушения*

обязательств по договору; природные катаклизмы, послужившие причиной невыполнения контракта.

Выводы

Среди рассмотренных в статье примеров полисинонимии в английском и русском языке права наиболее продуктивным представляется вид полисинонимии со взаимно уравновешенной протяженностью синонимических рядов, которые позволяют равноценно распределить кореферентно связанные термины по критерию принадлежности к предметно референтным областям. Основной сложностью при означивании юридических концептов в языковой паре английский–русский является принятие переводчиком или иным языковым посредником решений о корректном выборе из множественного набора весьма близких по значению альтернативных номинаций.

Данная процедура является детерминирующей для качества продукта переводческой деятельности в отраслевом переводе, в частности, в правовой сфере – текстом перевода. Понимание переводчиком концептуальных рамок терминов права и устойчивость навыков по вербализации предметных понятий и категорий права – определяющие факторы мастерства. В этом смысле упомянутые в начале статьи трактовки транслатологии текстуальной и транслатологии процессуальной недостаточно «работают» на разработку упреждающего подхода, который способен отследить, систематизировать и, таким образом, предупредить коммуникативные неудачи в результате некорректной предметно-отраслевой номинации. Видимо, одна из задач отраслевой транслатологии и должна состоять в разработке «упреждающего» инструментария теории перевода по предметным областям. Полагаем, что разработка парадигмы отраслевой транслатологии – преемницы перевода в сфере профессиональной коммуникации, – целесообразна для столь непрозрачных воспринимаемых текстов, какими являются правовые.

Нельзя не согласиться с мнением теоретика-правоведа В.И. Евинтова о том, что «среди проблем, связанных с составлением аутентичных юридических текстов на английском и русском языках, терминологические являются наиболее серьезными, так как в терминах отражаются отличия общественно-политических систем, разных систем права» [20, 38]. Тем не менее, полагаем, что даже самая высокая степень сложности специального юридического текста не должна служить препятствием его осознанного восприятия, понимания и толкования участниками профессиональной коммуникации, протекающей в условиях все более масштабного англо-русского взаимодействия правоведов и юристов практиков, опосредованного переводом. Повышению предсказуемости и эффективности профессиональной межъязыковой коммуникации в правовой сфере и служит настоящая статья.

Литература

1. *Алексеева И.С.* Введение в переводоведение. М., 2004.
2. *Алисиевич Е.С.* Толкование норм Конвенции Совета Европы о защите прав человека и основных свобод как правомочие Европейского суда по правам человека. Диссертация на соискание ... канд. юрид. наук / РАН. Ин-т госуд. и права. М., 2006.
3. *Анисимова Е.Г., Коростелев С.В.* Английский язык для юристов. Предпринимательское право. СПб, 2006.
4. *Апресян Ю.Д.* Английские синонимы и синонимический словарь // Англо-русский синонимический словарь / Сост. Ю.Д. Апресян, В.В. Ботякова, Т.Э. Латышева и др. М., 1979. С. 500–543.
5. *Ванников Ю.В.* К обоснованию общей теории перевода и теории перевода научно-технической литературы // Теория перевода и сопоставительный анализ языков: Сб. научн. ст. / Под ред. Э.М. Медниковой. М., 1985.
6. *Ванников Ю.В.* Научно-технический перевод как особый вид деятельности (структура, перспективы исследования и рационализация) // Научно-технический перевод: Сб. ст. – М.: ВЦП ГКНТ СССР, 1987.
7. *Власенко С.В.* Перевод юридического текста: когнитивные особенности номинации и реалии-профессионализмы в языковой паре английский–русский // Филологические науки в МГИМО : Сб. науч. тр. Вып. 21 (36). М., 2005а. С. 108–118.
8. *Власенко С.В.* Методы перевода отраслевых реалий в финансово-экономической и юридической областях (языковая пара английский–русский) // Актуальные проблемы преподавания практического курса перевода в вузе : Материалы Межвузовской научно-практической конф-ции / Академия ФСБ России. М., 2005б. С. 122–134.
9. *Власенко С.В.* Договорное право: практика профессионального перевода в языковой паре английский–русский : Учеб. для юрид. и лингв. вузов по специальностям «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» и «Юрист–переводчик» = Svetlana Vlasenko. Contract Law: Professional Translation Practices in the English–Russian Language Pair. М., 2006а.
10. *Власенко С.В.* Перевод и лингводидактика: типы контекстов и контекстная зависимость юридической терминологии в курсе англо-русского перевода для юристов-международников // Филологические науки в МГИМО: Сб. науч. тр. № 22 (37). М., 2006б. С. 46–66.
11. *Власенко С.В.* Прагматический аспект текстовосприятия в англо-русском отраслевом переводе // Лексическая системность английского языка в культурологическом ракурсе (семантика и функционирование). – Вестник Московского государственного лингвистического ун-та. Вып. 537. (Серия «Лингвистика»). М., 2007а. С. 208–221.
12. *Власенко С.В.* Отраслевой перевод: синонимизация терминологии как метод компенсации системного диссонанса англо-русских терминосистем // Теория и практика лексикологических исследований : Вестник Московского государственного лингвистического ун-та. Вып. 532. Серия «Лингвистика». М., 2007б. С. 171–183.
13. *Власенко С.В.* Лингвоправоведение: проблема множественной номинации юридических терминов // Третьи Всероссийские Державинские чтения (Москва, 2007 г.): Сб. ст. в 8 кн. / Книга 8: Иностраный язык юридической специальности. Проблемы перевода и межкультурной коммуникации. М., 2008. С. 48–52.

14. *Власенко С.В.* Перевод в сфере профессиональной коммуникации: психолингвистические аспекты декодирования лексических лакун (англо-русские переводческие сопоставления) // Вестник Московского ун-та. Серия 22: Теория перевода. 2009а. Вып. 2. С. 3–20.
15. *Власенко С.В.* Перевод в сфере профессиональной коммуникации: восприятие и понимание смысла отраслевых текстов в психолингвистическом ракурсе на примере анализа англо-русских переводческих прецедентов // Вестник Московского ун-та. Серия 22: Теория перевода. 2009б. Вып. 4. С. 16–40.
16. *Гамзатов М.Г.* Техника и специфика юридического перевода. СПб, 2004.
17. *Гавриленко Н.Н.* Теоретические и методические основы подготовки переводчиков научно-технических текстов: Монография / РУДН. М., 2004.
18. *Гольцблат А.А.* Guide to Land Transactions in Russia. Сделки с землей в России: купля-продажа, аренда, приватизация, ипотека / На рус. и англ. яз. М., 2005.
19. *Давид Р.* Основные правовые системы современности. М.: Прогресс, 1988.
20. *Евнттов В.И.* Многоязычные договоры в современном международном праве. Киев, 1981.
21. *Караулов Ю.Н., Филиппович Ю.Н.* Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования. М., 2009.
22. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004.
23. *Квитко И.С., Лейчик В.М., Кабанцев Г.Г.* Введение термина в текст в процессе оперирования понятиями // Терминоведческие проблемы редактирования. Львов, 1986. С. 56–59.
24. *Крюкова Е.А.* Язык и стиль законодательных актов: Автореф. дисс. ... канд. юридич. наук. М., 2003.
25. *Куницын А.* Естественное право. СПб, 1818.
26. *Мартемьянов Ю.С.* Логика ситуаций. Строение текста. Терминологичность слов. М., 2004. (Язык. Семиотика. Культура).
27. *Марчук Ю.Н.* Проблемы машинного перевода / Гос. ком. СССР по науке и технике, АН СССР, ВЦП. М., 1983.
28. *Марчук Ю.Н.* Методы моделирования перевода. М., 1985.
29. *Нортон А.Т.* Справочник по международным коммерческим контрактам. М., информация, 2001.
30. *Перевод: информационные технологии* : Сб. ст. / Всероссийский центр переводов. М., 2009.
31. *Перетерский И.С.* Сделки, договоры // Гражданский Кодекс РСФСР. Научный комментарий (с учетом гражд. код. Союзных республик) / Под ред. С.М. Прушицкого, С.И. Раевича / Ин-т Советского права РАНИОН. Вып. V. М.: Юридич. Изд-во НКЮ РСФСР, 1929.
32. *Пумпянский А.Л.* Введение в практику перевода научной и технической литературы на английский языка. М., 1981.
33. *Пыриков Е.Г.* Коммуникативные аспекты перевода и терминология : Метод. пособие / Всерос. центр переводов науч.-техн. лит. и документации. М., 1992а.
34. *Пыриков Е.Г.* Основы системной концепции перевода (терминологический аспект) : Автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19. М., 1992б.
35. *Сидоров Е.В.* Коммуникативный принцип организации текста (применительно к переводу научно-технической литературы) // Совершенствование перевода научно-

- технической лит-ры и документов : Матер. Всесоюз. конф. / ГКНТ СССР. Всесоюз. Центр переводов. М., 1988. С. 49–50.
36. *Суперанская А.В., Васильева Н.В., Подольская Н.В.* Общая терминология. Терминологическая деятельность. М., 1993.
  37. *Татаринов В.А.* Методология научного перевода : К основаниям теории конвертации. М., 2007.
  38. *Федотова И.Г., Толстопятенко Г.П.* Юридические понятия и категории в английском языке (Legal terminology). Обнинск, 2001.
  39. *Швейцер А.Д.* Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988.
  40. *Шевчук В.Н.* Электронные ресурсы переводчика : Справочные материалы для начинающего переводчика. М., 2010.
  41. *Ярцев Ю.А.* Искусство и практика перевода. Иное видение при переводе технических текстов с русского на англ. Диверсификация приемов перевода. Таблица и примеры. СПб., 2010.
  42. *Keenan D., Riches S.* Business Law. 6-th ed. Pearson Education Ltd.; Longman, 2002.
  43. *Nida E.A.* Language Structure and Translation. Essays / Comp. by A.S. Dil. Stanford, 1975.
  44. *Нукури S.* Equivalence and translation strategies in multilingual thesaurus construction. Åbo, 2010.
  45. *Snell-Hornby M.* Translation Studies : An Integrated Approach. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins Publ., 1988.
  46. *Toury G.* Translation // Encyclopedic Dictionary of Semiotics. In 3 Vols. / Gen. ed. T.A. Sebeok. Eds. P. Bouissac et al. Berlin, etc.: Mouton de Gruyter, 1986. Vol. 2. P. 1107–1124.
  47. *Toury G.* The Coupled Pair of “Solution + Problem” in Translation Studies // Translation Theory in Scandinavia / Proceedings of the Scandinavian Symposium on Translation Theory (SSOT) III / Ed. by Chaffey P.N. et al. Oslo, 1988. P. 1–23.
- Словарно-энциклопедические издания**
48. *АРСНБ 2004:* Англо-русский словарь по нефтяному бизнесу / Авт.-сост. Е.М. Хартуков. М., 2004.
  49. *АРСЭТ 2001:* Англо-русский словарь по экономике товародвижения / Авт.-сост. А.Н. Родников. Под ред. В.И. Осипова. М., 2001.
  50. *БАРФЭС 2000:* Большой англо-русский финансово-экономический словарь / Авт.-сост. А.Г. Пивовар. Под ред. В.И. Осипова. М., 2000.
  51. *БАРЮС 2003:* Большой англо-русский юридический словарь / Сост. Пивовар А.Г. М., 2003.
  52. *НАРБЭС 2001:* Новый англо-русский банковский и экономический словарь / Авт.-сост. Б.Г. Федоров. СПб.: Лимбус Пресс, 2001.
  53. *НОССРЯ 1997:* Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Сост. Ю.Д. Апресян, О.Ю. Богуславская, И.Б. Левонтина и др. М., 1997. Том I.
  54. *ОТЭС 2006:* Общее терминоведение: Энциклопедический словарь / Авт.-сост. В.А. Татаринов / Российское терминологическое общ-во *РоссТерм*. М., 2006.
  55. *ПКАРТС 1997:* Пластиковые карточки. Англо-русский толковый словарь терминов международной практики безналичных расчетов на основе пластиковых карточек / Авт.-сост. Н.В. Бабинова, А.И. Гризов, др. / Под общ. ред. А.И. Гризова. М., 1997.
  56. *САРСС 2002:* Современный англо-русский страховой словарь / Авт.-сост. В.А. Королькевич, Ю.В. Королькевич. М., 2002.

57. *ФСАР 2005*: Финансовый словарь. В 2-х тт. / Сост. В.Я. Факов. М., 2005. Т. I. Англо-русский словарь. Т. II. Русско-английский словарь.
58. *LD: Law Dictionary* / S.H. Gifis. 5-th ed. N.Y.: Barron's Legal Guides Inc., 2003.
59. *ABBYY LINGVO 12*: Electronic Multilingual Dictionary, Version 5. ABBYY Software Ltd., 2006. [Электронный ресурс]